

Михаил	— 8	} лет.
Александр	— 6	
Ольга	— 3	
Иван	— 2	

Упомянутый в прошении просительницы Ефремовой брат, философии ученик Петр Холщевников, какого ныне учения и поведения, о том сведения в Консistorии не имеются. Марта 13 дня 1816 года» [там же, л. 2].

На ее прошение наложена резолюция Его Высокопреосвященства: «О сем может просить брат просительницы сей: ежели Семинарское правление найдет его достойным того, чтобы за ним предоставлено диаконское место по уважению успехов его в науках и сиротству его» [там же, л. 1].

Эта история так и осталась незаконченной. Почему — неизвестно. То ли Семинарское правление не нашло Петра Холщевникова достойным места дьякона, то ли он решил сначала закончить свое образование, то ли вдова нашла какой-то другой выход из своего бедственного положения.

Благодаря вышеприведенным документам стало известно многое: возраст Марии Ефремовны, оставшейся вдовой в 26 лет с четырьмя (а не тремя, как сказано в [4]) детьми на руках, имена и примерный возраст братьев и сестры А. А. Воскресенского, а также то, что начальное образование он (как и его старший брат Михаил) получил в приходском духовном училище.

Продолжать образование, как и многим другим детям из духовного сословия, Александру надлежало в уездном духовном училище, куда он (как ранее и брат Михаил) поступил, согласно документам, «сентября 1 дня 1817 года» (см. извлечение из «Ведомости об учениках Новоторжского духовного уездного училища» нижнего отделения за 1818 г. [8, л. 343 об. — 344]).

Первый год Александр обучался, состоя «на своем содержании», в то время как его брат Михаил уже был переведен на так называемое полубурсачное (см. [9, л. 75]) содержание (существовало еще и бурсачное). Полубурсакам училище платило 30 рублей в год (бурсакам — 60 рублей), они имели право на бесплатное получение учебных книг (с последующим возвратом) кое-какой одежды и т.п. Год спустя в «Реестре полубурсаков, назначенных на постоянный оклад по уездным и приходским училищам, с означением, сколько на оное училище следует послать денег за I половину 1820 г.» [10, л. 16] мы находим имена уже обоих братьев.

Александр Воскресенский учился хорошо, о чем свидетельствует «Ведомость об учениках Новоторжского духовного уездного училища» высшего отделения за 1821 г. [11, л. 173 об. — 174], где против фамилии Александра, стоящей под вторым номером (списки учеников составлялись не по алфавиту, а по успеваемости), дана следующая характеристика: «...поведения доброго, способностей хороших, прилежания и успехов похвальных» [там же, л. 174]. Михаил Воскресенский в этом же году как один из лучших учеников был зачислен в Тверскую духовную семинарию на казенное обеспечение (см. [там же, л. 48 об. — 49]).

Спустя два года за братом последовал и Александр. Его отъезд в Тверь означал начало самостоятельной жизни, полной упорного труда. В родные места Александр Абрамович вернулся лишь спустя 30 лет будучи уже профессором Санкт-Петербургского университета. В 11 верстах от Торжка он купил скромное имение в селе Можайцево, где провел последние годы своей жизни и где завещал себя похоронить.

Список литературы

1. *Фигуровский Н.А., Елагина К.Ц.* А.А.Воскресенский (1809 — 1880) // Тр. Ин-та истории естествознания и техники АН СССР, М., 1958. Т. 18. С. 213 — 235.
2. Государственный архив Тверской области (ГАТО), ф. 160, оп. 11.
3. ГАТО, ф. 160, оп. 11, д. 137.
4. *Плеттнер Ю.З.* Дедушка русской химии. Калинин, 1959.
5. ГАТО, ф. 160, оп. 11, д. 141.
6. ГАТО, ф. 160, оп. 11, д. 143.
7. ГАТО, ф. 160, оп. 11, д. 153.
8. ГАТО, ф. 575, оп. 1, д. 27.
9. ГАТО, ф. 575, оп. 1, д. 29.
10. ГАТО, ф. 575, оп. 1, д. 36.
11. ГАТО, ф. 575, оп. 1, д. 43.

Ю. В. ЧАЙКОВСКИЙ

О КЛАССИКАХ И КОММЕНТАТОРАХ

Четыре книги по истории эволюционизма попали ко мне почти одновременно — две на русском языке (это новое академическое издание «Происхождения видов» [1] и сборник статей и писем А. А. Любищева [2]), изданные Ленинградским отделением ИИЕТ, и две на английском (речь идет о книгах А. Вусинича «Darwin in Russian thought» и Д. Тоудеса «Darwin without Malthus. The struggle for existence in Russian evolutionary thought» [4]). Все четыре я брал в руки с радостным ожиданием и откладывал с досадой. Книги очень непохожие, но что-то общее, потайное, их объединяет. Не сразу я понял, что это общее — давняя традиция «что знаем, о том и пишем».

Нет, я не хочу уравнивать четыре совсем разных труда (каждый в своем роде — достижение), но считаю долгом отметить, что все они по-своему отражают тяжелый кризис российской истории науки.

I

Полностью «Происхождение видов» не издавалось по-русски уже 40 лет. Это само по себе странно, ведь Россия всегда считала себя третьей родиной дарвинизма, и за 1864—1950 гг. эта книга выходила в свет на русском языке 16 раз. Еще более странно, что за эти 40 лет появилось лишь беспрецедентное «издание» великого труда, предназначенное для учителей [5], в котором почти треть авторского текста изъята и заменена чужими текстом и рисунками. Читая лекцию учителям биологии, я с горечью убедился, что они не отличают авторского текста этой книги от вставок (несмотря на различие шрифтов) и уверены, что Дарвин обосновал свое учение данными генетики и экологии.

Самое удивительное — это тот научный уровень, на котором выдержано новое академическое издание. Сама по себе идея дать новый перевод и обширные пояснения к нему прекрасна. Все это готовилось к публикации 12 лет, поясняющие тексты составили 119 страниц (половина — петитом), так что налицо все внешние условия, чтобы издание было образцовым. Вот как понимали задачу его составители: «Основная задача комментариев состояла в том, чтобы проследить эволюцию текста от первого до последнего издания. <...> При этом была использована и незаконченная рукопись Ч. Дарвина, которая условно названа «Естественный отбор». Рукопись готовилась с 1856 по 1858 г. и была впервые опубликована в Великобритании в 1975 г. Публикация рукописи позволила вовлечь в научный оборот материалы, о которых в «Происхождении видов» говорится лишь вскользь. Удалось также конкретизировать и уточнить многие положения теории Ч. Дарвина, так как «Происхождение видов» готовилось в спешке, с большим сокращением фактического материала и без необходимых библиографических ссылок, что было вызвано независимым открытием естественного отбора Уоллесом. Комментарий может быть использован для дальнейшей работы в области дарвиновой историографии». Далее сказано, что рецензенты «при рецензировании рукописи и сопроводительных материалов сделали очень ценные рекомендации, большинство из которых нами учтено» [1, с. 7].

Рецензировать Дарвина — поздновато, а рецензировать качество перевода мог бы лишь знаток викторианской биологии. Не знаю, что сказал бы знаток, а я отмечу лишь пару мест. Так, Дарвин избегал привычного нам слова *heredity* (наследственность), а использовал слово *inheritance*, которое, как и прежде, переводится в [1] чаще всего как *наследственность*, хотя у Дарвина речь идет, как правило, о наследовании и наследуемости (ср. фразы в [1] на с. 23 и 30 с фразой 38 на с. 74 и фразой 57 на с. 88 подлинника [6]). Опасная проблема наследуемости приобретенных признаков как бы снимается. Еще важнее вопрос о термине *natural selection* (естественный отбор). Слово *selection* означало в те времена искусственную процедуру, селекцию, поэтому Дарвин, вводя понятие естественного отбора, выразился так: удачная особь будет «*naturally selected*» (здесь курсив Дарвина), т. е. *селектирована*

природой (или естественно селектирована) [6, с. 74, фраза 37]. Лишь после этого пояснения Дарвин ввел сам термин «естественный отбор», тогда как в [1] и *natural selection*, и *naturally selected* переведены одним термином — *естественный отбор*, словно нет здесь смысловой трудности.

Зато рукопись «сопроводительных материалов» (у комментаторов этот жутковатый канцеляризм означает научный аппарат издания) отрецензировать не мешало бы, ибо таких авгиевых конюшен мы давно не видавали. Взять хотя бы именную указатель, самую аккуратную и самую полезную часть аппарата этой книги. Он начинается с рубрики «Агассиц Александр»; почти все другие имена представлены начальными буквами, и среди них *Mopertuis Pl. M.* — это не опечатка, ибо такое написание неоднократно повторено в тексте (надо: *Maupeituis P. L. Moreau de*). Многие ученые своих инициалов просто лишили. Неужели никто из составителей не знает что великого Агассица звали Жан Луи, что Моро — не третье имя, а первая фамилия великого Мопертюи? Неужели трудно за 12 лет хотя бы сверить этот указатель с указателями в других изданиях? Далее, указателя организмов нет, а в предметном указателе нашлось место только для кукушек и пчел (рубрика «Паразитизм»), а также для рыб (рубрика «Распространение»), но не для усонюгих раков — единственной группы, которую Дарвин знал профессионально. И так — во многом.

Но вернемся к «основной задаче». Увы, «проследить эволюцию текста» составителям не очень-то удалось — в анализ включено пять изданий, хотя известно как минимум десять опубликованных вариантов текста, правка в которых различна, но сделана везде Дарвином: это исходный текст [7], называемый Длинной рукописью (Др), шесть лондонских изданий 1859—1872 гг. (1л—6л), второе американское издание 1860 г. (2а) и два перевода — немецкий 1860 г. (1н) и французский 1862 г. (1ф). В комментариях [1] совсем не учтено 2 л, однажды мельком упомянута Др (с. 426), хотя, как мы видели, было обещано включить ее в анализ, а об остальных изданиях — ни слова.

Не знают комментаторы, что ли, об этих изданиях или, по их же выражению, оставили их «для дальнейшей работы в области дарвиновой историографии»? Второе — поздно, а первое означает полную некомпетентность: достаточно открыть хотя бы русский перевод Рачинского, сделанный с 2а, чтобы убедиться, насколько это издание отлично от других. Не надо даже листать книгу — довольно первой странички: «Исторический очерк» начат с Бенуа Де Малье, в других изданиях отсутствующего. (Кстати, самые важные авторские вставки собраны в конце 2а — подробнее см. [8].)

Всю эволюцию «Исторического очерка» я здесь изложить не могу, но стоит сравнить хотя бы его первую фразу в разных изданиях. В 2а очерк охарактеризован Дарвином как «боюсь, неполный», в 1н — как «очень неполный», в 3л — как неполный или несовершенный («imperfect»), а затем всякая его характеристика исчезла, чтобы вновь появиться в 4л («неполный») и окончательно пропасть в 5л. Смысл этих колебаний раскрывается, если сопоставить их с перепиской Дарвина того времени: Дарвин, оказывается, то и дело менял свое отношение к вопросу о предшественниках и их роли в его учении. (Оттого, кстати, и Де Малье исчез.)

В отличие от прежнего научного издания (1939) в [1] собственно текст почти не комментируется, а комментарий представляет собой перечень вариаций текста в изданиях 1л—6л. Такая стратегия вполне разумна. Жаль только, что она почему-то не выдержана: одни купюры восстановлены целиком, а другие даже не упомянуты. Так, в 1л есть очень важная для Дарвина концептуальная фраза в конце раздела «Геометрическая прогрессия роста»: «Лик Природы можно сравнить с упругой поверхностью из десятка тысяч плотно пригнанных друг к другу острых клиньев, загоняемых внутрь беспрестанными ударами, и, когда одному клину послабление, другие [загоняются] с еще большей силой» [6, с. 150, фраза 62]. Эта мысль оформилась еще в ранних очерках, но в декабре 1859 г. Дарвин от нее отказался, и поэтому данная фраза вычеркнута из 2л, что связано с изменением всей аргументации Дарвина (см. [8]). Пройгнорировав издания 2л, 2а и 1н, заметить это невозможно.

Дело здесь, конечно, не в экономии места (много листов в [1] потрачено просто ни на что, например, на заимствованные из [6] таблицы соответствия страниц изданий 2л—5л, отсутствующих в российских библиотеках), а в недостатке профессионализма.

Далее, досадным недоразумением является статья «Зарождение теории естественного отбора в записных книжках Ч. Дарвина». Ее автор А. В. Яблоков, настоящий борец за спасение природы, далек от дарвиноведения. Он и не подозревает, что буквально все затронутые им вопросы подробно рассмотрены в англоязычной литературе, и долг историков был указать ему на работы, исследующие ранние записи Дарвина, или хотя бы на сами эти записи. Согласитесь: неловко читать, что за четвертой книжкой последовал «Очерк 1842 года» [1, с. 449], если известно, что между ними были еще две книжки и два очерка, опубликованные 18 лет назад в [9]. Анализ, разумеется, не смог быть выше его фактологической базы — именно поэтому в статье Яблокова отсутствуют, например, богословские аспекты понимания естественного отбора, столь характерные для раннего Дарвина.

Кстати, неучтенные записи проливают свет и на «Исторический очерк»: в них есть ссылки на

некоторых авторов, в заимствовании у которых впоследствии упрекали Дарвина. Так, там имеется ссылка на Э. Блиса — у него Дарвин впервые увидел термин «борьба за существование».

Впрочем, составители книги [1] совсем равнодушны к вопросу о предшественниках Дарвина. Следуя его собственному уверению, много раз основательно раскритикованному, они излагают дело так, словно Дарвин придумал всю концепцию от начала до конца самостоятельно. Литература об источниках, которыми пользовался Дарвин (даже работы С. Л. Соболя, чьими последователями являются сами составители), проигнорирована. Единственным предшественником Дарвина в смысле естественного отбора оказывается Мальтус, которого признал таковым сам Дарвин (об Уоллесе скажу ниже). Говоря о Мальтусае, Яблоков отмечает, что «трактовка идей Мальтуса Дарвином очень далека от примитивной трактовки идей Мальтуса в нашей печати», что надо «вернуться к точному и строгому анализу работы Мальтуса» [1, с. 454]. Насчет нашей печати он, безусловно, прав, но ведь Дарвин обсуждал (в цитируемой Яблоковым книжке) лишь один единственный тезис Мальтуса. Вся уверенность Яблокова зиждется, по всей видимости, только на одной фразе из автобиографии Дарвина («...Я случайно, ради развлечения, прочитал книгу Мальтуса»), данной в переводе Соболя [1, с. 454].

Прочесть для развлечения статистический двухтомник невозможно, и Дарвин, разумеется, этого не писал. В подлиннике звучит так: «I happened to read for amusement Malthus» [10, с. 120], т. е. «мне случилось для развлечения читать Мальтуса». Если бы Дарвин действительно прочел всю книгу (где есть и скепсис в отношении приложимости селективных процедур к природе, и указание на механизмы стабилизации размножаемости), то или не называл бы себя мальтузианцем («Моя мальтузианская точка зрения», — заявил он в марте 1839 г. [9, с. 460]), или не стал бы разрабатывать идею естественного отбора.

Столь же поспешно уверение Яблокова, что «Происхождение видов» явилось «извлечением» из «грандиозной (более 2000 страниц) рукописи 1858 года» [1, с. 449]. Достаточно полистать Др, чтобы убедиться, что в ней ключевые места не превышают по объему аналогичные места в 1л (ее грандиозность — следствие многословия и размашистости почерка) и что по проработке проблем она, как и следовало, является ступенью от «Очерка 1844 года» к 1л. И именно только как ранний очерк используется Др в аппарате издания [1], точнее — в статье Я. М. Галла. В этом смысле она — действительно ценный документ, но никаких новых, собственно эволюционных, аргументов в ней нет. Да и быть не могло. Если бы они были тогда у Дарвина, то он наверняка включил бы их в поздние издания «Происхождения», отвечая этим на поток упреков в бездоказательности. Дарвиноведы, работающие со всем корпусом источников, давно уже восстановили ход мысли Дарвина: от модели эволюции кораллового рифа через «Зоономию» Эразма Дарвина и естественное богословие (книги У. Пэйли и Дж. Маккалока) к естественной селекции как Богом установленному закону, а затем к статистической процедуре, где Творец лишь упоминается (см. [8, 9] и многие другие работы). Однако еще более давно известно, что подлинное исследование несовместимо с апологетикой.

II

Словом, издание [1], игнорируя огромную дарвиноведческую литературу за последние 40 лет, являет собой забавный и досадный анахронизм. Почему так? Первое, что приходит в голову, — составители просто ничего не читали: скудость библиографии поразительна. Ну, положим, им противно читать мысли, отличные от их собственных, но почему не воспользоваться статьями С. Л. Соболя либо списками литературы хотя бы в русскоязычных статьях Н. Г. Рубайловой, М. Реммель или моих? Неужто и их не видали? Да видали, конечно, видали!

Обратимся, например, к вопросу о «независимом открытии естественного отбора Уоллесом». Традиция объяснять все недостатки «Происхождения» спешкой, идущая от самого Дарвина, ничего в действительности не объясняет, ибо за последующие 12 лет можно было бы все аргументы привести в порядок. Если бы они были. Но их не было (в Др параграф «Примеры действия естественного отбора» [7, с. 220—223] еще короче, чем в любом издании «Происхождения», и тоже содержит не реальные, а лишь вымышленные примеры), и Дарвин продолжал успокаивать себя и других, ссылаясь на мнимую спешку в 1859 г.

То есть спешка действительно была, но годом раньше. Дж. Бруке, биограф Уоллеса, показал 8 лет назад: Др несет следы основательной правки, учитывающей идеи той рукописи, которую Уоллес послал Дарвину в феврале 1858 г.; все историографы проблемы (дружно утверждающие, что Дарвин получил рукопись 18 июня и в тот же день отослал ее Лайелю) основывались на той посмертной датировке письма Дарвина Лайелю, какую дал сын Дарвина Френсис; на самом деле рукопись, вернее всего, пришла в Даун к Дарвину на месяц раньше и была использована им весьма радикально (например, появилось понятие «борьба за существование») [11, гл. 11].

Конечно, Галл мог не согласиться с выводами Брукса, мог даже (на худой конец) умолчать о них, но он выбрал совсем странный ход: «В мае — начале июня 1858 г. Дарвин быстро написал раздел о принципе дивергенции»*. Далее: «Брукс полагает, что Дарвин сумел понять значение принципа дивергенции, после того как прочитал статью Уоллеса 1858 г. Дарвин получил черк Уоллеса 18 июня 1858 г., т. е. тогда, когда уже изложил принцип дивергенции» [1, с. 480—481]. По-моему, Брукс может подавать в суд, ибо Галл приписывает ему мысль, прямо противоположную действительной.

Кстати, читая это место, я, кажется, понял, почему в указатель не попали усонogie раки: это единственная группа, которая была изучена Дарвином профессионально, поэтому естественно было ожидать, что именно на усоногих будет данo разъяснение основных положений учения, однако в «Происхождении» усонogie упомянуты всего 10 раз, да и то не при рассмотрении вопроса об отборе и дивергенции. Та же ситуация и в Др, тем не менее Галл смело пишет: «Следует напомнить, что принцип дивергенции прежде всего формировался в связи с решением фундаментальных проблем классификации... Многолетняя деятельность по систематике усоногих раков предоставила хорошую возможность для конкретной проверки эволюционных идей 30—40-х гг. <...> Эта же деятельность способствовала зарождению и росту новых идей» [1, с. 480]. Никаких аргументов Галл не приводит, и опровергнуть этот вывод легко мог бы каждый, если бы в указатель попали усонogie.

Зато именно указатель вопиет: названы многие мелкие и мельчайшие апологеты, а тех, кто фундаментально разрабатывал проблемы, поставленные Дарвином, в [1] чаще всего нет. Так, хорошо известно, что Дарвин не воспользовался данными геологии для аргументации своего гипотетического механизма, объяснив это неполнотой геологической летописи. (Заго объяснение занимает две главы.) Тогдашние палеонтологи, хотя и сочли эти данные вполне достаточными, чтобы судить об эволюции, но, как и сторонники Дарвина, приводили лишь разрозненные примеры в свою пользу. Анализ же всего корпуса фактов, вне зависимости от того, в чью пользу говорит каждый из них, был дан, насколько мне известно, только С. В. Мейеном (в отношении наземных растений), показавшим, как фактически идет дивергенция в рамках семейств и выше. Ему же удалось раскрыть загадку, которую сам Дарвин назвал «отвратительной тайной» — загадку происхождения цветковых. Эти результаты опубликованы Мейеном в 1984—1988 гг. на русском и английском языках в самых известных изданиях (см. список трудов в книге [12], №№ 261, 271, 277, 285—288, 304). Как могло случиться, что его имени нет в [1], коли есть там статья А. Л. Тахтаджяна «Дарвин и современная теория эволюции»? Забыт?

Если составители все-таки скажут: «Мейен — не по теме», то придется сослаться на их же два увесистых тома, где он был более чем по теме, но либо не упомянут вовсе (см. [13]), либо упомянут лишь вскользь (см. [14]). Тут, впрочем, налицо извиняющие обстоятельства: в первом случае автору досадно, что открытие совершил не он (и забывание могло быть чистосердечным — «радикальное забывание» по Фрейду), а во втором — авторы попросту не поняли, о чем писал Мейен. В самом деле, вот единственная смысловая фраза о нем: «Пути синтеза своих положений с принципами дарвинизма ищут и некоторые сторонники неомогенеза (Мейен, 1973)» [14, с. 40]. А в действительности в статье Мейена речь шла о другом: Мейен решал (пусть и вчерне) ту самую задачу, которую поставил в 1920 г. Н. И. Вавилов: «Вместо бесконечно путанной номенклатуры, которую не удерживает ни одна память... создать общую выдержанную однотипную номенклатуру, в которой тождество форм, их гомология были бы поставлены в основу системы» [15, с. 21]. За реализацию этой задачи впервые взялся московский ботаник Н. П. Кренке (предложивший в 1935 г. «закон родственных уклонений»), а Мейен разработал ее в форме мероно-таксономического анализа (1973—1978). Обо всем этом наши казенные историки не говорят в [14] ни слова, хотя Вавилов — один из основных героев их книги.

А Тахтаджян даже Вавилова едва упоминает, и вот каким образом: «Н. И. Вавилов (1920, 1935) был первым, кто дал генетическое объяснение параллельной изменчивости... В отличие от Дарвина параллельную изменчивость он называл не аналогической, а гомологической, так как она обеспечивается гомологией генов, т. е. общностью их происхождения» [1, с. 493]. Странно, но приходится напоминать: Вавилов назвал свои ряды гомологическими вовсе не по соображениям родства, а по аналогии с химией [15, с. 21]; он неоднократно писал, что ряды относятся как к генотипическому, так и к любому другому параллелизму [15, с. 41, 48, 51, 91, 208]. Ученый ссылался на труды номогенетиков (Л. С. Берга, Д. Н. Соболева), черпая у них внегенетические иллюстрации своего закона, и лишь в 1935 г., когда номогенетикам давно уже заткнули рты, был вынужден позволить себе расплывчатую охранитель-

* Дивергенция видов, т. е. расхождение одного вида на несколько, по Дарвину, является следствием острой конкуренции между особями одного вида.

тельную фразу: «Всеобщность этого явления определяется прежде всего генетическим единством эволюционного процесса и происхождения, родством» [15, с. 92]. При этом он не отказался ни от одной прежней идеи, зато демонстративно не дал никакой аргументации фразы о родстве. Еще более демонстративна аналогичная фраза в тексте «Заключительного слова» (дек. 1936) [15, с. 209], оборонительный характер которого до слез очевиден.

С такой методологией трудно строить историческое повествование, и оно у Тахтаджяна не получилось: тезы Дарвина и последующих эволюционистов почти не увязаны.

III

«...Дискуссия по эволюционным вопросам, включая статью Тахтаджяна, производит на меня унылое впечатление», — эти слова эмбриолога П. Г. Светлова сказаны 35 лет назад в письме А. А. Любищеву [2, с. 205]. Уже эта (маловажная) фраза показывает, что сборник актуален. Жаль, что его составители не поясняют, где данную статью можно найти.

Для Любищева характерны ссылки мимоходом, так что первой задачей его издателей (знаю это по собственному опыту) являлось их разъяснение, без чего текст во многих местах просто непонятен. Например, Любищев много раз ссылался на работы и мнения Иванова, не уточняя, где какого Иванова имел в виду. Ивановых в тогдашней науке было много, в том числе известных ученых, но вероятнее всего, что «покойный животновод Иванов» [2, с. 32] — это Михаил Федорович Иванов (хотя был и известный животновод Илья Иванович Иванов, умерший почти в то же время), и очевидно, что протестовал против эволюционных лысенковских деклараций (см. [2, с. 39]) Николай Дмитриевич Иванов, инженер-администратор, генерал-майор, крупный чиновник президиума АН. Разъяснять подобные места — прямая обязанность составителей.

Чтобы избежать конфуза, подобного конфузу с Агассисом в [1], где все ссылки приписаны автором указателя Александру (сыну), хотя почти везде в тексте Дарвин имел в виду отца, составители [2] поступили гениально просто: выбросили указатель, а вместо него поместили бессмысленный «Краткий список имен», где совсем не кратко рассказали то, что знали (вплоть до стихов), о тех, кого знали.

Составление указателя, требующее только трудолюбия и аккуратности, и то оказалось не под силу. А ведь настоящее комментирование требует большего — профессиональных исторических знаний, особенно если комментировать приходится Любищева, который часто допускал фактические ошибки, поскольку был подолгу оторван от коллег и не имел под рукой справочников. Так, осуждая жестокое обращение с животными, Любищев «вспомнил гениального Пифагора», запретившего бить собаку и воскликнувшего: «Прочь кнут, я вижу друга, голос которого я узнал» [2, с. 241]. В действительности этот пассаж имел в античности совсем иной смысл: Пифагор верил в переселение душ и в щенке узнал бывшего своего приятеля [16, с. 342].

Еще больше нуждался в комментарии пассаж о Галилее. Споря с традиционной точкой зрения на судьбу Галилея, Любищев воскликнул: «Да и так ли она трагична?» И далее: «Я лично почту величайшим счастьем, если мне удастся до известной степени повторить судьбу Галилея: на склоне лет опубликовать свои заветные мысли» [2, с. 256]. Здесь просто необходимо было сказать, что трагедия Галилея была не в домашнем аресте, а в крушении всей программы Академии линкеев. Развитие наук в Италии, блестяще начавшееся в годы молодости Галилея, было остановлено наступлением инквизиции, так что Италия рухнула в кошмар похуже лысенковщины, на столетия выпав из числа научных держав. Да и сам Галилей, как недавно выяснено на основе изысканий П. Редонди в архиве инквизиции, едва избежал когорта [17]. М. Д. Голубовский комментирует высказывание Любищева о Галилее, но как! Он напоминает нам, что в 1979 г. папа Иоанн-Павел II предложил пересмотреть дело Галилея. Вполне в духе «перестройки»! Курьезный рекорд, который нам не побить. Разве что отметить приговоры Ивана Грозного?

Кстати, в книге, посвященной борьбе Любищева с лысенковщиной, параллель с инквизицией я бы провел явно. Дело в том, что Любищев совсем не увидел в лысенковщине никакого социального феномена: «Подозрительность и самоуверенность Сталина, сопряженные с его невысоким культурным уровнем, вместе с исключительной... наглостью Лысенко и привели к осени 1948 года. В этом не было никакой внутренней закономерности развития биологии и агрономии» [2, с. 240]. По-моему, дело обстоит иначе: 1948 г. был закономерной кульминацией процесса, начатого в годы гражданской войны, когда старый Тимирязев убеждал молодого Бухарина в конгениальности дарвинизма и марксизма, а ВЧК отлавливала первых инакомыслящих ученых. И конца этому процессу пока не видно, о чем поговорим немного позже.

IV

А сейчас пора сказать о достоинствах сборника [2]. Зачем, казалось бы, теперь издавать памфлеты против лысенковщины, когда эта тема стала модной, когда на ней делают или обновляют себе имя многие конъюнктурщики? Однако первая статья Любищева («Об аракчеевском режиме в биологии», июль 1953) замечательно интересна и, полагаю, останется таковой для историков навсегда. Как и остальные материалы, она опубликована впервые.

Это — первый научный самиздат и едва ли не первый после 30-х гг. самиздат вообще. Мы так привыкли считать, что начало «оттепели», в том числе и ослабление лысенковщины, приходится на 1954 г., причем связываем мы ее с именем Хрущева, а вот Любищев на четвертый месяц после смерти Сталина уже подводил кое-какие итоги: упомянул о «целом ряде статей» против «ошибок Лысенко» (увы, их не называя), о решительном осуждении «культ личности Сталина» исключении из сельхозпрактики ряда лысенковских методов, некотором изменении вузовских программ и т. д. Ясно, что процесс начался еще при жизни Сталина.

В 1981 г. Б. М. Кедров рассказал мне, что статья Н. Д. Иванова «О новом учении Т. Д. Лысенко о виде» [18] была написана по заказу ЦК ВКП(б), а заказ, в свою очередь, сделан по приказу Сталина. Это подтверждается тем, как скоро она вышла в свет: статья Иванова была получена редакцией 6 сентября 1952 г., а 31 ноября этого же года в редакцию поступила статья Н. В. Турбина, бывшего до этой статьи лысенковцем; обе статьи, носившие партийно-проработочный характер, были опубликованы в ближайшем номере, подписанном к печати 16 декабря 1952 г., причем редакция приглашала «советских ботаников» к дискуссии «с позиции передовой мичуринской биологии». Т. Д. Лысенко от дискуссии уклонился (поручив ее А. Н. Студитскому), только прислал в редакцию письмо, обвинившее авторов в искажении его высказываний. Вся литература по этой дискуссии указана во втором номере «Ботанического журнала» за 1954 г. В 1960 г. Н. Д. Иванов издал книгу «Дарвинизм и теории наследственности», книгу умеренно пролысенковскую, а в 1963 г. сдал в издательство рукопись уже откровенно пролысенковскую, но выйти в свет она не успела: смещение Н. С. Хрущева повлекло за собой падение власти Лысенко. На фоне подобных событий и писал Любищев.

Любищев рассмотрел практически все предложения Лысенко, рассмотрел спокойно и почти доброжелательно, кое-что приняв (гнездовой метод посадки некоторых пород деревьев «возможно, в некоторых условиях вполне целесообразен» [2, с. 30]); взял под защиту И. В. Мичурину, хоть и отверг основную часть приписываемых ему заслуг; а затем изложил эволюционные взгляды Лысенко — то, о чем теперь почти никто не знает.

У нас принято противопоставлять лысенковщину дарвинизму, но ведь сам-то Лысенко считал себя «творческим дарвинистом». Ссылка на примесь ламаркизма ничего тут не разъясняет, поскольку такая примесь характерна и для самого Дарвина, а Э. Геккель прямо говорил о синтезе дарвинизма с ламаркизмом, что не помешало ему заслужить прозвище Немецкий Дарвин. Ничего не дает и указание на невежество лысенковцев и фальсификации в их работах, поскольку плохие люди могли защищать и хорошую идею. Слов нет, отрицать вообще внутривидовую борьбу, как это делал Лысенко, нелепо, но ведь среди его примеров были вполне реальные. Словом, помочь мог только серьезный анализ текстов, сколь бы сумбурны они ни были. И Любищев за него взялся.

Он умел, несмотря на резкую неприязнь к лысенковщине, сохранять объективность («Совершенно бесспорно, что этот (лысенковский. — Ю. Ч.) метод дает возможность добиться заметного ускорения созревания злаков» [2, с. 27]*) и корректность («...мы к данным опытных станций должны отнестись с большим доверием, чем к результатам массовых данных Лысенко» [2, с. 28]). Это и позволяет доверять его критике, даже самой жесткой. Впрочем, допускал он и выражения вроде «лысенковский бред», но как антитезу «тому ценному, что дал Лысенко» [2, с. 50].

Замечательная черта Любищева, проявлявшаяся в его работах, — вспоминать о том, о чем не принято. Нам, пережившим надежды «перестройки», полезно прочесть его слова, произнесенные в 1956 г.: «Вы скажете, что все в прошлом, теперь это признано, и надо, засучив рукава, приниматься за восстановление положения, сплотить все подходящие кадры. Какие кадры? Соединить ученых с бандитами? Ведь хорошо известно, кому мы обязаны разрушением нашего сельского хозяйства и таким засекречиванием всех ошибок, что только сейчас начинает выясняться полная картина «преобразования природы». И «преобразование природы» продолжается в том же духе» [2, с. 84]. Или: «Видимо, и сейчас большинство академиков имеет очень слабое отношение к науке, и... предполагается, что эта самая академия, допустившая наше сельское хозяйство до такого состояния, сумеет сама обновиться...» [2, с. 132].

* Далее Любищев писал, что этот метод эффективен далеко не всегда.

Слова сказаны как бы сегодня, а ведь Любищев думал далеко не всегда так, как нам бы хотелось. Во время гражданской войны он «чуть-чуть не вступил в партию» большевиков; в последние годы сталинщины, приехав в Москву в день так называемых выборов, искал участок, где смог бы проголосовать за Сталина; осознав ужас сталинизма, наивно уповал на добропорядочность Хрущева и т. д.

Время было другое, о чем нам и напоминает вводная статья Голубовского. Так, он цитирует «письмо трехсот» (1955), которое характеризует как «замечательный антилысенковский документ», но авторы которого солидаризовались со вполне лысенковским лозунгом: «Борьба с идеализмом в биологии» [2, с. 20]. Напомню, что Любищев был и считал себя идеалистом. И Голубовский на одном примере ярко показывает, насколько ниже Любищева в нравственном отношении находились «прогрессивные» коллеги: пользовались блестящим талантом ученого в борьбе с Лысенко, а позже шельмовали его — даже после кончины Любищева — вполне лысенковскими методами (см. [2, с. 20—21]). Причиной такой неразборчивости Голубовский называет «мировоззренческий мизмизм на фоне материалистической онтологии», феномен, который, по его мнению, лежал и в основе лысенковщины.

Все верно, но я бы продолжил: в трагические дни августовской сессии 1948 г. с обеих сторон сражались люди того морального типа, который был чужд Любищеву, в то время как по-прежнему нравственные герои давно были устранены (подробнее см. [19, с. 254]). Тогда Сталин поддержал дарвинистов-лысенковцев, поэтому дарвинисты-генетики были разгромлены и мы все до сих пор им сочувствуем. Однако нельзя закрывать глаза на то, что едва придя в 1965 г. к научной власти, дарвинисты генетического толка искоренили негодное им направление мысли с точно такой же нетерпимостью, с какой это делали прежде лысенковцы. Мне известны всего две брошюры, вышедшие за последующие 27 лет, которые осмелились что-то сказать в защиту запретного учения, и обе они вызвали самую грубую брань с призывами административно покарать их авторов (хорошо, что уголовное преследование сейчас не во власти научного начальства).

Как тут не вспомнить Любищева: не сможет «сама обновиться» наука, в которой «соединены ученые с бандитами». Прежние лысенковцы сделали затем «антилысенковскую» карьеру, так стоит ли удивляться, например, тому, что сейчас делают блестящую «рыночную» карьеру прежние хулиганы рынка? И что хозяйство при этом рухнуло?

V

К сожалению, начало сборника [2] ярко, а дальше он тускл. Не рассчитывая на публикацию, Любищев вновь и вновь писал друзьям почти одно и то же (иногда просто одно и то же), а составители взяли это все да и напечатали. И это — при острейшем дефиците научных книг! По теме «Защита науки» у Любищева до сих пор остаются неопубликованными его главные работы: монографии «Уроки истории науки», «О положении в средней школе», почти все статьи по литературоведению (науке, тоже нуждавшейся в защите и получившей ее от Любищева) и прежде всего — блестящий труд «Об идейном наследии Гоголя». Близки к этой теме и многие другие рукописи Любищева, например, «Расцвет и упадок цивилизаций». Все это остается невостребованным и будет теперь оставаться им невесть сколько, ибо кого из издателей убедишь сейчас, что книгу Любищева купят? Пример этому — уже вышедший в свет сборник его статей и писем [2], который при десяти тысячном тираже лежит повсюду и плохо расходуется даже в Ульяновске, где автора чтут как земляка.

Весь материал сборника драгоценен для будущих биографов, но ведь они должны все равно искать в архивах — публикации нужны не для них.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что [2] не надо покупать. Получить за 5 рублей хотя бы только первую статью более чем стоит, а в книге повсюду рассыпано много интересных строк — это мысли и Любищева, и некоторых его корреспондентов. Но даже беглое знакомство с историей научных книг говорит: такие сборники надо издавать тиражом не более тысячи, в благополучное время и только за счет спонсора. И конечно, их успех невозможен без хорошего аппарата, а в [2] подробнее описано то, что составителю известно, при полном невнимании ко всему, что требовало трудных поисков. Если бы в сборнике был хотя бы именной указатель, стало бы ясно, что [2] куда более важен при анализе дарвинизма, чем «сопроводительные материалы» книги [1].

VI

Сейчас, когда дарвинизм сходит с исторической сцены, очень важно не затоптать его достижений, не дать восторжествовать огульному отрицанию эволюционизма, которое нарастает, например, в США (см. [20]). Безграмотная апологетика здесь только навредит — нужна серьез-

ная история науки. Западное дарвиноведение, чуждое агиологетики, достаточно хорошо показало, что действительно сделал Дарвин, а что приписали ему восторженные почитатели. (Некоторые дарвиноведческие работы указаны в [8, 9, 21, 22].) Российское же дарвиноведение было со времен К. А. Тимирязева апологетическим, что внесло свою лепту и в общее отставание нашей биологии, и в кратковременный успех самого худшего варианта дарвинизма — лысенковщины. Сам Лысенко опирался на памфлеты Тимирязева, который, однако, не был специалистом в эволюционизме (достаточно ознакомиться с его личной библиотекой). В литературе на русском языке роль Тимирязева в судьбе дарвинизма еще не раскрыта, приходится, как обычно, обращаться к западным источникам.

Американский ученый, патриарх истории российской биологии Александр Вусинич в разделе «К. А. Тимирязев: русский бульдог Дарвина» своей книги «Darwin in Russian thought» пишет: «Тимирязевская точка зрения на Дарвина была ясна и проста. Теория Дарвина, полагал он, явилась желанной оппозицией любой теологии и любой философии, связанной с трансцендентными причинами. Он рассматривал ее как безупречное обоснование монистического взгляда на природу и вполне соглашался с утверждением Больцмана, что теория Дарвина была единственным спасением философии. По Тимирязеву, теория Дарвина укрепляла связи между биологией, с одной стороны, и физикой и химией, с другой» [3, с. 197—198].

О трагических результатах монистического мировоззрения говорит Голубовский, а о связи Тимирязева с Больцманом писал Любищев (анализ вопроса см. в [21]). Для понимания того, что произошло после смерти Тимирязева с нашей биологией, необходимо еще увидеть ту традицию, которую до абсурда развил Лысенко, — традицию «Дарвин без Мальтуса», родившуюся именно в России времен юности Тимирязева. Родоначальниками ее были А. М. Пальховский (переводчик книги Р. Чемберса) и С. А. Рачинский (переводчик книги Дарвина). Оба, независимо описывая в 1863 г. логическую схему Дарвина, игнорировали идею перенаселенности: «...элементарным актом эволюции теперь становилось не вытеснение конкурента из общего местобитания, а победа некоторого зачатка целостности» [22, с. 130].

Причину пренебрежения мальтузианской стороной дарвинизма Тоудес, автор книги «Darwin without Malthus...» [4], видит в особенностях российского хозяйства: «В отличие от Франции, Англии и Пруссии Россия не была заражена безземельным крестьянством, и русские комментаторы не приписывали проблему «земельного голода» неравному распределению пахотной земли» [4, с. 177]. Эту парадоксальную позицию он поясняет следующей статистикой: в 1800—1850 гг. население России росло только на 0,71 % в год, тогда как Англии — на 1,3 %. Затем, в 1850—1900 гг., обе страны показали 1,14 % в год, отчего и специфика русского мировоззрения померкла.

Если так, то главный интерес для Тоудеса должны были представлять самые ранние русские комментаторы Дарвина, но он не знает о них ничего. Исследование его дотошно и аккурратно (он — один из немногих, кто всерьез читал Мальтуса), однако Рачинского он считает лишь переводчиком и уверен, что в России дискуссия началась только в 1864 г., после выхода в свет перевода «Происхождения».

На Западе о первых шагах российского дарвинизма вообще не знает никто, да и откуда же знать, если само их наличие упорно отрицается в изданиях типа книги [14]? Весной 1980 г., когда эта книга только готовилась в печать, я получил на отзыв несколько ее глав. В главе о раннем дарвинизме, написанной А. Б. Георгиевским, я обнаружил несколько фактических ошибок, из которых наиболее курьезной было утверждение, что автором «первого обстоятельного изложения дарвиновского учения» в журнале «Библиотека для чтения» (1861) был химик Н. Н. Соколов. В действительности помещенная в этом журнале статья — перевод статьи известного швейцарского зоолога Э. Клапареда, о чем я и сказал на заседании редколлегии. Ведший заседание Э. И. Колчинский резко оборвал меня, сказав: «Решать будет только редколлегия», и даже отзывы моих не принял. Я надеялся, что он все-таки тихо уберет явный ляп, но случилось наоборот: книга вышла с примечанием: «Как установил по архивным материалам Б. Е. Райков (1960), автором статьи был... Н. Н. Соколов» [14, с. 44]. По каким это архивам можно было установить, если французский оригинал статьи Клапареда [23] опубликован на полгода раньше русского текста? Все «поиски» Райкова на самом деле носили чисто умозрительный характер (был ли Соколов достаточно прогрессивен и т. п.), в архиве же он взял только биографические данные.

Хотя Вусинич в [3] и не повторяет буффонады с Соколовым, но он повторяет основной недостаток изданий вроде книги [14]: все они указывают по 3—4 ранних (1859—1863 гг.) «эволюционных» отклики, тогда как их было в десятки раз больше — не менее 77 (см. [22]). При таком незнании материала любые выводы несерьезны. Это касается и более поздних русских публикаций. Поэтому книги [3, 4] упоминают о Николае Северцове лишь вскользь; авторы явно не читали его пионерских работ, ибо в бесцветных советских биографиях ничто не привлекло их внимания к этому удивительному биологу, эволюционисту, но отнюдь не дарвинисту (как я старался показать в [22]). Разумеется, ничего не знают они и о Любищеве — вероятно, потому, что книги типа [14] упоминают о нем лишь походя, без попытки понять его взгляды.

Потеряв культуру исторического поиска, позднесоветская (или послесоветская) наука вынуждена опираться на западные исследования о России, а они сами оказываются основанными на этой самой советской науке. Хорошо известная привычка американских ученых доверять только казенной советской науке (ими же критикуемой) казалась мне до недавних пор чем-то забавным, но теперь становится страшно: из этого королевства кривых зеркал не видно выхода.

Мыслитель и поэт Даниил Андреев 33 года назад писал: «...новые социально-экономические системы, приходя к господству, сами облакаются в механизмы политических деспотий... Наука превращается в их послушную служанку, куда более послушную и надежную, чем была церковь для феодальных владык. Трагедия коренится в том, что научная деятельность с самого начала не была сопряжена с глубоко продуманным нравственным воспитанием. К этой деятельности допускались все, независимо от уровня их нравственного развития» [24, с. 9]. Прямое отношение этих слов к нашей теме станет ясно, если прочесть недавнюю статью эколога Б. М. Миркина [25].

Обругав вначале какого-то безымянного лысенковца 50-х гг., Миркин развивает затем чисто лысенковскую идею: популяции делятся им «на так называемые нормальные и оппортунистические», причем у вторых плотность не регулируется конкуренцией. («...если ресурсов будет меньше или особей станет больше, то все они выживут. Например, растения мари белой без риска погибнуть могут уменьшиться в 20 тысяч раз! Да и потомство в пересчете на каждую особь будет немногочисленным...» [25, с. 55].)

Марь — известный сорняк, растет куртинами (тесными скоплениями), а куртины — парадный пример Лысенко в его отрицании внутривидовой борьбы. Такие растения надо высевать гнездами. «Пятьдесят—сто молодых растений, находясь в группе, притеняют друг друга, и таким образом создаются нужные... микроусловия» [26, с. 404]. Так растут многие растения (например, молодые елочки), но Лысенко совершил насилие над фактами, сочтя это общим правилом и обязав сеять гнездовым способом чуть ли не все виды (в отношении этого и протестовал Любищев). Впрочем, и Лысенко признавал, что «перенаселенности в природе, как правило, не было, нет и не может быть» [26, с. 397], что «факторы, сдерживающие, ограничивающие число особей вида или разновидности, в каждом отдельном случае, конечно, бывают различны» [26, с. 399]. Просто он считал куртину нормой (основная конкуренция, по его мнению, происходит между разными видами *), а Миркин увидел здесь некую патологию, используемую природой «лишь тогда, когда разрушились экосистемы», причем «оппортунисты» вскоре «замещаются многолетними видами с нормальным типом популяции».

Интересно, что «так называемых оппортунистов» сам Миркин прежде так не называл (см. [28]), да и вообще, именовать по-русски оппортунистами тех, кто первым заселяет разрушенную землю, вряд ли удачно (хотя по-английски и по-французски это звучит приемлемо). Но у Миркина есть веское политическое основание: оказывается, «социализм, в том административно-командном варианте, который рухнул в ходе перестройки, во многом подобен оппортунистической популяции» [25, с. 56]. Дальнейшее читать тошно (например, по Миркину, «благотворительность, мораль и религия» свойственны именно конкурентной популяции), так же тошно, как читать труды Лысенко. Но ведь их давно забыли (много лет библиотеки их не выдавали), и вот этакую *политику, опрокинутую в растения*, можно теперь подать как новую и прогрессивную. Впрочем, если очистить статью от агрессивного оппортунизма, она, как биологическая, очень интересна.

VII

То, что происходит с нами, — распад научного сообщества — первым описал М. А. Розов (см. [29]). Распад истории науки — лишь мелкая его составляющая, и если я обращаю на это внимание, то потому, что уверен: наука без истории — ремесло убогое (см. [30, 31]), зато именно историю как науку сейчас спасти еще можно.

Ведь историкам так немного нужно! Допускать к источникам и не мешать работать — что еще? Казалось бы, ничего больше не нужно, но сказанное выше открывает целый пласт проблем: как убедить начинающих, что надо искать и учиться, если они видят совсем иное — достичь успеха и признания легче, как раз не учась и не ища? Естественно, такие историки,

* В этом главное отличие лысенковского толкования дарвинизма. Как писал Лысенко в брошюре «Новое в науке о биологическом виде», «зародившись в недрах старого вида, единичные экземпляры другого вида, как более соответствующие данным условиям, быстро размножаются и способны вытеснять в этих условиях тот вид, в недрах которого они зародились» [27, с. 20]. Даже в этой брошюре, явно претендуя сам занять место выше Дарвина, Лысенко продолжал называть свою позицию «творческим дарвинизмом» [27, с. 10].

заняты лишь маркировкой и охраной индивидуальных участков (как мы видим это по аппарату издания [1]), ничего полезного для конкретных наук дать не могут.

И все же, поскольку доступ к источникам пока что возможен, надо пытаться готовить историков. Необходимо создать (ибо перестраивать тут нечего) систему обучения истории науки. Но это — тема отдельной статьи.

Список литературы

1. Дарвин Ч. Происхождение видов / Ред. и коммент. Я. М. Галла, Я. И. Скоробогатова, А. Л. Тахтаджяна, А. В. Яблокова; Рец. А. Б. Георгиевский, И. С. Даревский. СПб., 1991.
2. Любищев А. А. В защиту науки: Статьи и письма / Сост. Р. Г. Баранцев, Н. А. Панчинская; Ред. и коммент. М. Д. Голубовского. Л., 1991.
3. Vucinich A. Darwin in Russian thought. Berkeley etc., 1988.
4. Todes D. P. Darwin without Malthus. The struggle for existence in Russian evolutionary thought. N.Y., 1989.
5. Дарвин Ч. Происхождение видов: Книга для учителя / Переаб. Б. М. Медникова, А. В. Яблокова. М., 1987.
6. The Origin of species of Charles Darwin. A variorum text edited by M. Peckham. Philadelphia, 1959.
7. Charles Darwin's Natural Selection. Cambridge, 1974.
8. Чайковский Ю. В. О формировании концепции Ч. Дарвина // Науки в их взаимосвязи. М., 1988. С. 95—115.
9. Gruber H. G., Barrett P. H. Darwin on man. N.Y., 1974.
10. Darwin Ch. The autobiography. L., 1958.
11. Brooks J.L. Just before the Origin. Alfred Russel Wallace's theory of evolution. N.Y., 1984.
12. Мейен С. В. Введение в теорию стратиграфии. М., 1989.
13. Тахтаджян А. Л. Система магнолиофитов. Л., 1987.
14. Развитие эволюционной теории в СССР / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. Л., 1983.
15. Вавилов Н. И. Закон гомологических рядов. Л., 1987.
16. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
17. Методологические принципы современных исследований развития науки (Галилей). М., 1989.
18. Иванов Н. Д. О новом учении Т. Д. Лысенко о виде // Ботанич. журнал. 1952. № 6. С. 819—842.
19. Чайковский Ю. В. Крайности сходятся // Новый мир. 1990. № 7. С. 253—257.
20. Чайковский Ю. В. Торговцы воздухом // Химия и жизнь. 1992. № 4. С. 8—13.
21. Чайковский Ю. В. Идея равновозможности в физике и биологии // Физическое знание: его генезис и развитие. М., 1992. С. 104—129.
22. Чайковский Ю. В. Первые шаги дарвинизма в России // Историко-биологические исследования. 1989. № 10. С. 121—141.
23. Claparède E. M. Darwin et sa théorie de la formation des espèces // Revue Germanique. 1861. Vol. 16. P. 523—559; Vol. 17. P. 232—263.
24. Андреев Д. Л. Роза мира. М., 1991.
25. Миркин Б. М. Львы и шакалы, или Общество глазами эколога // Химия и жизнь. № 5. С. 55—59.
26. Лысенко Т. Д. Агробиология. 3-е изд. М., 1948.
27. Лысенко Т. Д. Новое в науке о биологическом виде. М., 1952.
28. Миркин Б. М., Розенберг Г. С. Толковый словарь современной фитоценологии. М., 1983.
29. Розов М. А. Философия без сообщества? // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 23—36.
30. Чайковский Ю. В. История науки и обучение науке (на примере дарвинизма) // ВИНЕТ. 1987. № 2. С. 92—101.
31. Чайковский Ю. В. Наука без истории — ремесло убогое // Химия и жизнь. 1992. № 10.

Календарь юбилейных дат

350 лет

со дня рождения Исаака Ньютона (4.I.1643—31.III.1727), одного из величайших ученых в истории человечества.

250 лет

со дня рождения Рене Жюста Аюи (Гаюи) (28.II.1743—1.VI.1822), французского химика и кристаллографа, члена Парижской АН с 1783 г., почетного члена Петербургской АН с 1806 г. В 1794—1802 гг. — профессор Горной школы (Париж). Внес крупный вклад в развитие кристаллографии, в частности им открыты закон целых чисел, названный его именем, а также теория убывания числа молекул в слоях, последовательно формирующих кристалл. Его именем назван минерал Гаюин.

225 лет

со дня рождения Жана-Батиста-Жозефа Фурье (21.III.1768—16.VI.1830), французского математика, одного из основоположников математической физики, члена Института Франции с 1817 г., члена Французской АН с 1826 г., почетного члена Петербургской АН с 1829 г., иностранного члена Лондонского королевского общества. Родился в Оксерре. Учился в военной школе в Оксерре. Математикой начал заниматься с 1781 г., в 1795 г. был направлен в Политехническую школу (Париж) учеником, позднее стал в ней преподавателем, а затем профессором. Принимал участие в Египетской кампании Наполеона. В 1799 г. возглавил одну из научно-исследовательских экспедиций в Египте, был шефом юридической администрации, исполнял поручения французских властей. С 1801 г. работал в ведомстве народного просвещения Франции. С 1827 г. — председатель Совета усовершенствования Политехнической школы. Избран в Институт Франции по секции общей физики в 1817 г., с 1822 г. — неперенный секретарь секции математики.

Основные работы относятся к теории тепла и теории дифференциальных уравнений с частными производными. Вывел уравнение теплопроводности и развил методы его интегрирования при различных граничных условиях, чем заложил основы математической физики. Разработал учение о представлении функций в виде тригонометрических рядов (ряды Фурье). Доказал знаменитую теорему о числе действительных корней алгебраического уравнения, расположенных в заданном интервале. Имел работы в области теории алгебраических урав-

нений, по вопросам математической статистики, исследовал принципы виртуальных работ и многое другое. Внес основополагающий вклад в египтологию.

175 лет

со дня рождения Степана Ивановича Барановского (4.I.1818—?.1890), русского изобретателя, ученого и общественного деятеля. Основные труды посвящены различным областям механики, геометрии, географии, статистики, языковедения, истории литературы, медицины. В 1860 г. сконструировал многоступенчатый компрессор в соединении с коллектором из труб — «духовиком». В 1862 г. вместе с сыном построил подводную лодку. Был инициатором строительства Сибирской ж. д. и автором ряда проектов среднеазиатских ж. д.

150 лет

со дня рождения Германа Амандуса Шварца (25.I.1843—30.XI.1921), немецкого математика, члена Берлинской АН с 1892 г., члена-корреспондента Парижской АН. Учился в Берлинском университете у Вейерштрасса, Куммера и Кронекера. С 1867 г. — профессор университета в Галле. С 1869 г. — Цюрихской политехнической школы, в 1875—1892 гг. преподавал в Геттингенском, в 1892—1921 — в Берлинском университетах. Основные работы посвящены математическому анализу и его приложениям в геометрии. Построил строгую теорию интеграла Пуассона. В аналитическую теорию дифференциальных уравнений ввел специальные функции, названные его именем. В теории конформных отображений доказал возможность конформного отображения на круг любой выпуклой области, а также любой односвязной области. Сформулировал принцип симметрии (принцип Римана-Шварца) и доказал лемму (лемму Шварца), уточняющую принцип максимума модуля. Развил теорию аналитических функций Вейерштрасса и теорию гипергеометрических функций.

125 лет

со дня рождения Теодора Уильяма Ричардса (31.I.1868—2.IV.1928), американского химика, лауреата Нобелевской премии 1914 г. Родился в Джермантауне, штат Пенсильвания. С 1901 г. — профессор Гарвардского университета. В 1888—1923 гг. на основе изобретенного им метода определил атомные веса 25 элементов. В 1902 г. дал экспериментальное доказа-